

Т. В. Якушкина

Точка отсчета: об истории развития понятия «Возрождение» в России в XVIII – первой половине XIX в.

Статья посвящена начальному периоду существования термина «Возрождение» в России: от первого упоминания имен итальянских классиков в журнальных публикациях второй половины XVIII в. до лекционных курсов по всеобщей истории П. Н. Кудрявцева и Т. Н. Грановского. Усвоение идеи Возрождения формируется вначале под мощным воздействием концепции развития европейской цивилизации Вольтера, а в романтическую эпоху корректируется трудами по истории литературы Ж. де Сталь, С. де Сисмонди и П.-Л. Женгене. В этот период преобладают эстетические, а не исторические критерии в оценке прошлого.

Ключевые слова: термин «Возрождение», О. П. Козодавлев, Вольтер

Tatiana Yakushkina

Starting point: about the development of the term Renaissance in Russia at the 18th and the first half of the 19th century

The article is devoted to the earliest period of the term Renaissance development in Russia and covers the period from the second half of the 18th c., when the names of Italian classics were mentioned first in some periodicals, till the middle of the 19th c., when Kudryavtsev and Granovsky delivered their lectures on word history. The idea of Renaissance was formed under the powerful influence of Voltaire's concept of European civilization development and slightly modified by the works of literary critics G. de Stael, S. de Sismondi and P. Ginguené in the age of Romanticism. It was the period when aesthetic, not historical, criteria dominated in evaluation of the past.

Key words: term «Renaissance», O. P. Kozodavlev, Voltaire

История возникновения и формирования понятия «Возрождение», кажется, уже досконально изучена в науке. Названы не только точная дата и обстоятельства его возникновения¹, но обстоятельно рассмотрены и все предшествующие этому событию этапы: от упоминаний слова в Библии до попытки его первого терминологического использования у Вазари. Не обойдены вниманием ни его связь со старой культурной идеей духовного обновления, ни этап XIV–XVI вв., когда слово «возрождение» являлось определением качественного отличия своего времени от предыдущего среднего века; ни первые словарные фиксации; ни метафорическое бытование у просветителей. Столь повышенное внимание к истории понятия «Возрождение» неслучайно, ибо путь в три века от Вазари до Мишле не прошел бесследно. «Возрождение» вобрало в себя столько смыслов, что и по сей день несет на себе «груз веков», оставаясь одним из самых дискуссионных и неоднозначных понятий современной науки. Почти век назад, размышляя об эволюции этого понятия в западноевропейской науке, Й. Хейзинга справедливо отмечал: «Развитие понятия „Ренессанс“ – один из нагляднейших примеров несамостоятельности истории как науки, взаимоотношений, в которых одно-

временно и ее слабость, и ее слава: ее нерасторжимой связи с современной ей жизнью. Поэтому проблема Ренессанса, вопрос, чем же был Ренессанс, неотделимы от эволюции самого термина, обозначающего это понятие»².

В нашей стране у понятия «Возрождение» сложилась своя история. Ее отсчет обычно ведут с конца 40-х гг. XIX в., когда после университетской реформы 1835 г. в Московском университете в начале П. Н. Кудрявцев (1848/1849), а затем и его учитель Т. Н. Грановский (1849/1850) прочитали первые лекционные курсы по всеобщей истории³. В лекциях Кудрявцева находим и первое упоминание термина «Ренессанс». Кудрявцев вспоминает его, говоря о распространении гуманистического движения из Италии во Францию. Возрождение греческого искусства в литературной и – шире – эстетической сфере в ходе гуманистического движения, – пишет историк, – составляет «особенную эпоху, известную под именем Ренессанс»⁴.

Показательно, что Кудрявцев использует термин во французском контексте и в его французском варианте – «Ренессанс», вне этого контекста (например, говоря до этого об Италии) он пользуется русским словом «возрождение», не

придавая ему, однако, терминологического значения. Не менее показательно и то, что слово, которое, как следует из лекций Кудрявцева, обладает и терминологической соотнесенностью с определенной эпохой, и достаточной известностью, у русских историков оказалось не в ходу. Кудрявцев его лишь упоминает, у Т. Н. Грановского вообще «ни слова не сказано о Возрождении»⁵.

Игнорирование термина основоположником отечественной медиевистики можно было бы оставить без внимания, если бы ни его стремление подчеркнуть эпохальные особенности «разрыва между средневековой и новой жизнью» в Европе на рубеже XV–XVI в. Рассуждая на эту тему, Грановский выделял целый ряд культурно-общественных изменений: «страстное воодушевление италийцев в изучении древних», распространение платонизма, критику средневековых идеалов в творчестве Данте, Петрарки и Боккаччо, открытие Америки, влияние реформационных идей, появление новых политических теорий у Макиавелли, даже распространение книгопечатания. Тем не менее, совокупность перечисленных факторов, позволившая Жюлю Мишле пятью годами позже использовать «Возрождение» как новое понятие исторической науки, русский ученый определяет не терминологически, а эмоционально: как «торжественную и радостную эпоху» или «великолепное движение просвещения»⁶.

Ссылки на отсталость отечественной исторической науки в первой половине XIX в. или раннюю смерть Грановского⁷ вряд ли могут служить достаточным объяснением в данном случае. Грановский был хорошо знаком с современными исследованиями западноевропейских историков, критический разбор которых всегда включал в свои труды. Лекции по истории Франции указывают и на хорошее знание работ Мишле. Однако в своем понимании исторического процесса XV–XVI вв. русский историк, прошедший профессорскую подготовку в Берлинском университете, преимущественно следовал за учеными немецкой школы, знаменитым Леопольдом Ранке и его учениками⁸, а не своими французскими коллегами.

По замечанию Люсьена Февра, в середине XIX в. слово «возрождение» буквально «носились в воздухе». Вслед за Вазари им обозначали возрождение искусств, вслед за Ж. де Сталь – возрождение литературы, иногда – «и то, и другое вместе»⁹. Однако такой, достаточно узкий, эстетический и, можно

сказать, французский смысл, Грановского не удовлетворял: слова «возрождение» или связанной с ним риторики в лекциях ученого нет. В его понимании страстное увлечение итальянцев XIV–XV вв. античными классиками не ограничивалось рамками литературы или изобразительных искусств. Это было «великое движение, происходившее в сфере науки»¹⁰, которое имело огромное значение для разрушения мировоззренческих основ средневековья. Если в Италии идеи Древнего мира так глубоко входили в сознание гуманистов, что они порывали с христианством и переходили в язычество, то в Германии движение гуманизма стало частью Реформации¹¹. О расцвете искусств, заметим, Грановский, лишь бегло упоминает.

Позиции двух русских историков сходны. Оба, являясь последователями немецкой научной школы, придают необычайно большое значение гуманистическому движению, связывая с ним начало новой умственной жизни в европейских странах. Поэтому для них сущность эпохи, начавшейся в Италии XIV в., выражает не термин «возрождение» с его эстетической ограниченностью, заданной французами, а «гуманизм», понимаемый как «любовь к *studia humanitoria*»¹².

После Грановского и Кудрявцева в отечественной науке появляется целый ряд ученых, филологов и историков, посвятивших себя изучению Возрождения: ученик Кудрявцева А. Н. Веселовский, Н. И. Стороженко, Н. И. Кареев, М. С. Корелин. Для этих исследователей «Возрождение» уже не просто название особой эпохи в истории Европы, обозначившей переход от средних веков к новому времени, но понятие, исторический смысл которого видится в формировании и развитии гуманистического движения. Именно изучению гуманизма отдает свои основные силы русская наука второй половины XIX в., символически подытоживая этот этап своего развития в работах М. С. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1892) и «Очерк из истории философской мысли в эпоху Возрождения. Мирозерцание Ф. Петрарки» (1899).

Пониманию Возрождения в трудах упомянутых ученых, как и в целом этому периоду развития отечественной науки, посвящено немало работ¹³. Однако мало кто из исследователей упоминает о том, что усвоение первых сведений об эпохе Возрождения начинается в России задолго до середины XIX в. Двигаясь в обратном направлении, не к XX, а к XVIII в., становится понятно, что лек-

ции Грановского и Кудрявцева представляют собой не только точку отсчета в истории отечественной ренессансистики, но и точку, в которой сходятся первые попытки осмысления итальянского Возрождения в нашей стране¹⁴. Об этом начальном периоде существования термина «Возрождение» в России и пойдет речь в данной статье.

Активный интерес к европейской истории в нашей стране начал проявляться лишь во второй половине XVIII в. в ходе движения Просвещения. Можно даже рискнуть назвать точную дату, когда русский читатель впервые познакомился с некоторыми именами деятелей итальянской культуры, в дальнейшем неотделимых от понятия Возрождения. В 1762 г. в журнале «Полезное увеселение» была опубликована большая статья С. Г. Домашнева «О стихотворстве», где в разделе «Стихотворство итальянское» впервые упоминались имена Данте, Петрарки, Боккаччо, Ариосто и Тассо. Сомнения в авторстве Домашнева¹⁵, будущего директора Петербургской академии наук (1775 – 1783), не умаляют значения этой работы как первой в русской науке попытки осветить вопросы истории и теории поэзии. Приводимые в ней сведения скудны и отрывочны. По справедливому наблюдению академика М. П. Алексеева, автор еще сам плохим знаком с итальянскими именами и топонимами, многие из которых затрудняется перевести на русский язык. Имена Данте и Петрарки, в частности, сопровождаются следующим замечанием: «Находят в сих двух стихотворцах великое множество выражений, подобных древним, которые имеют вдруг силу древности и нежность новости». Транскрипция имен («Дант», «Бокас»)¹⁶ и неуклюжесть фразы позволили академику М. П. Алексееву заключить, что перед нами «буквальный, слегка сокращенный и не очень искусно выполненный перевод» из 32-й главы «Опыта о нравах» Вольтера¹⁷.

Несамостоятельность русского автора при знакомстве с литературой страны, язык которой был практически неизвестен в России середины XVIII в.¹⁸, предсказуема и неудивительна. Не менее ожидаемой является и зависимость от Вольтера, необычайно высокий авторитет и популярность которого в России уже не требуют подробного комментария¹⁹. Примечательно другое. «Опыт о нравах» в России переведен не был, однако набор вольтеровских определений и оценок итальянских поэтов Возрождения, почерпнутый непосредственно у Вольтера или через

посредничество иных иностранных источников, сразу вошел в русское сознание. Как бы ни менялось отношение к самому фернейскому старцу на протяжении XVIII – в начале XIX в., эти оценки продолжали жить, и голос Вольтера будет слышен в русских учебниках словесности еще в 1820-е гг. Применительно к Данте – звучащее почти как определение «Флорентиец», «отец итальянского стихотворства», автор «диковинной» «Комедии», в описаниях которой он возвысился «выше худого вкуса своего века»²⁰; применительно к Петрарке – поэт, язык которого отличался нежностью и приятностью²¹; и о Боккаччо – автор «первых образцов прозы», отличавшейся «точностью и чистотой стиля». Немаловажными в этом наборе оказались и категория «вкус», и «вдруг» как искаженное вольтеровское «a la fois» («сразу», «вместе с тем»).

Начиная с 1780-х гг. имена итальянских поэтов появляются в русской печати довольно часто и по разным поводам. На волне растущего в русском обществе стремления к светскому образованию требуются более подробные сведения о их жизни и творчестве. Характерными приметами времени становятся попытки первых переводов. Меняется и контекст, в котором имена Данте, Петрарки и Боккаччо отныне существуют в русском сознании.

В 1785 г. столичный просветительский журнал «Растущий виноград» начал печатать работу «Рассуждение о народном просвещении в Европе», автором которой был тогдашний директор народных училищ в Петербурге и Петербургской губернии О. П. Козодавлев, впоследствии министр внутренних дел при Александре I. Первая часть этого обширного труда была задумана как исторический очерк развития Просвещения в европейских странах от падения Римской империи до современности. Период XIV–XVI вв. освещен в нем довольно подробно, а успехи Италии в области развития наук и искусств выделены особо.

В изложении Козодавлева, XIV в. в истории Италии стал началом «процветания художеств», в русле этого процесса происходило и постепенное развитие «стихотворства» на народном языке. Имена Данте, Петрарки и Боккаччо по-прежнему даются во французской транскрипции, но звучат уже как нерассторжимая триада зачинателей новой эпохи: «Флорентиец Дант, умерший в 1221 г., приобрел стихотворениями своими, которые и доныне с удовольствием читаются, великую

славу. После Данта прославился в Италии Петрарх, родившийся в 1304 г. и воспитавшийся во французских училищах. Он украсил через стихи свой итальянский язык приятностью и нежностью. Бокас, современник его, вычистил и утвердил сей язык острою и приятною своей прозою»²².

Прояснить источники, на которые опирался Козодавлев, довольно затруднительно. Академик М. П. Алексеев считал, что выпускник Лейпцигского университета, хороший знаток немецкого языка и литературы Козодавлев пользовался немецкими трудами²³. По-видимому, так и было, однако следует уточнить: это были либо переводы с французского, либо работы, написанные на основе французских источников. Дело не только в транскрипции имен. В XVIII в. понятием возрождение культуры «как средством различения исторических феноменов» (Хейзинга) первыми начали пользоваться французы. Им, Бейлю и Вольтеру, принадлежала не только прерогатива, но и основная заслуга в его разработке. Каждый, кто обращался тогда к истории Италии XIV–XVI вв., вольно или невольно отталкивался от их суждений. Если имя автора «Исторического и критического словаря» Пьера Бейля²⁴, откуда черпал сведения Вольтер, и достаточно известного в России, Козодавлев не упоминает, то Вольтеру в его работе посвящена не одна страница. Влияние последнего, впрочем, ощутимо и без ссылок.

В отличие от Домашнева, Козодавлев или его иностранный источник не пытается переводить Вольтера, однако у русского автора можно найти и пересказ, и краткое конспективное изложение, и буквальное следование тексту «Опытов». Зависимость проявляется даже в стиле: Козодавлев сохраняет многие риторические конструкции, метафоры, оценки французского философа, как правило, без указания на их авторство. Для исследователя XVIII в. «Опыты», особенно в том, что касается европейской истории, – это своеобразный каркас, основа, которая лишь незначительно расширяется за счет новых, не упомянутых у Вольтера, сведений. Так, почти две страницы вольтеровского текста о Данте, Петрарке и Боккаччо в статье Козодавлева «свернуть» в четыре предложения. Убраны все стихотворные примеры, из рассуждений Вольтера оставлены только отдельные, укрепившиеся как «критические топоры» (Пильщиков) оценки, введены некоторые новые сведения: с ошибкой (возможно, опечатка) указан год смерти Данте, вместо «Комедии»

речь идет о его лирической поэзии, выпускником французских училищ представлен Петрарка²⁵. Выбор и интерпретация биографических сведений отличаются от вольтеровского, но стилистический рисунок фрагмента узнаваем сразу.

Козодавлев, как и все, кто писал об Италии, не мог обойти вниманием вопрос о причинах ее культурного возрождения в XIV–XV вв. На фоне средних веков понимаемых как эпоха варварства и невежества деятельность тречентистов выглядела как внезапное пробуждение к просвещению, чему требовалось найти объяснение. Степень актуальности этого вопроса для русского читателя проявляется уже, например, в том, что Козодавлев обращается к нему дважды. В апрельском номере журнала читаем: «Тогдашних успехов в науках и искусствах были причиною, без всякого сомнения, Италиянцы, изобретшие весьма много собственно собою, прежде еще распространения в Италии наук и художеств, пришедших туда вместе с Греками, после взятия турками Константинополя. Флоренция уподоблялась тогда древним Афинам. Красноречие, стихотворство и художество, восприняли тамо свою силу. Во Франции и других государствах учение было тогда покрыто корою педантизма и варварства; ибо науки преподавались на языке Латинском, и никто не имел попечения о вычистиении языков народных»²⁶.

О причинах Возрождения первым задумался Бейль. Расцвет гуманитарного знания в Италии он связал с падением Константинополя, т. е. с появлением на Апеннинском полуострове греков, которые принесли туда свой язык и культуру. Спустя столетия такую же точку зрения вслед за ним высказал и Вольтер в «Веке Людовика XIV» (1751). Идея Бейля об импортировании искусств из Греции логически вытекала из истории других европейских государств, куда в XVI в. науки и искусства были также импортированы, но уже из Италии. Однако деятельность первых тосканских поэтов, начавшаяся задолго до появления в стране греков, не укладывалась в рамки такого рационального толкования. В «Опыте о нравах» (1756) Вольтер откажется от своей прежней позиции и, не найдя других аргументов, объяснит ее гениальностью тосканцев²⁷: «Лишь силою своего гения они оживили сии искусства, прежде нежели малый остаток греческой учености, сохранявшийся еще в Константинополе, переместился вместе с греческим языком в Италию после поражения, нанесенного от-

томанскими турками. Флоренция была тогда вторыми Афинами...»²⁸. Идея гениальности получит свое развитие в рассуждениях об искусстве конца XV–XVI в., расцвет которого Вольтер свяжет с особой одаренностью к нему всех итальянцев.

Козодавлев не случайно убрал из рассуждений Вольтера²⁹ то, что составляло оригинальность его трактовки. Мысль философа «о живом гении Тосканы», как определил ее Хейзинга, при всей своей новизне и плодотворности, не получила широкой поддержки у современников – ее оценят потомки, в то время как упоминание о «греческом вкусе» в связи с историей итальянского Кватроченто стало практически общим местом³⁰. К этой устоявшейся трактовке и возвращается Козодавлев двумя месяцами позже, стремясь примирить ее с написанным ранее: «Пришествие ученых греков в Италию из Царя Града, после взятия онаго Турками, может так же почитаться важною причиною возобновления в 15 столетии наук, и распространения потом оных и хорошего вкуса по всей Европе. Турки, взяв столицу греческих императоров, победою своей погнали, так сказать, из нее науки и художества в Италию. Итальянцы приобрели тогда греческих учителей и писателей, книги древних греков и несколько афинского вкуса. Греки, нашед в Италии творения Данта и Петрарха и обратив внимание свое на оные и на писателей древнего Рима, образовали вкус, распространившийся потом по всем областям итальянским»³¹.

Помимо отдельных упоминаний, почти шесть страниц в статье Козодавлева посвящены влиянию французского философа на современников. Русский просветитель всячески стремится подчеркнуть, что Франция – это не один Вольтер, и в России известны имена многих. Однако в том, что касается Италии, подобные рассуждения оказывались не более, чем слабой попыткой противостоять влиянию «великого француза»: и с измененной трактовкой Козодавлев по-прежнему оставался в плену Вольтера.

Сочинение Козодавлева носило подчеркнуто просветительский характер. Его задача доказать, что «просвещение есть величайшее благо, доступное человечеству, залог могущества народов и государств». Этот пафос заставляет автора, с одной стороны, резко противопоставлять период европейской истории, начиная с XIV в., среднему веку как веку невежества, с другой – не ограничиваться только сферой литературы и искусства, а расширять перечень культурных

сдвигов за счет научных и географических открытий, развития ремесел и мореплавания, книгопечатания и языков. Отстаивая, как и все просветители, идею поступательного прогресса, Козодавлев вершиной в этой исторической эволюции видит современную эпоху, ее началом – период XIV–XVI вв., когда после «возобновления» наук и искусств в Италии, Просвещение начало распространяться по всей Европе³².

В статье Козодавлева нет слова «возрождение», но обособление трех столетий в истории Италии в некий целостный период позволяет говорить о зарождении идеи Возрождения в русском сознании. Названы и основные имена, которые во всех последующих обращениях к этому периоду будут определять его лицо: для XIV в. – Данте, Петрарка и Боккаччо, писатели, заложившие основы итальянского литературного языка, способствовавшие его развитию и украшению; для XV в. – «род Медицисов», под покровительством которого науки и художества достигают своего расцвета; в XVI в. ими стали «Леонард Давинчи», «Михаил Анжелло», Рафаэль³³ в области искусства, «Ариост», Тассо, «Махїавель» и «Гвикардини» – в области литературы и истории, Галилей – в науке.

В связи с интересующей нас темой сочинение Козодавлева – важный исторический документ. Он свидетельствует не только о масштабах влияния Вольтера в интерпретации европейской истории или о несамостоятельности в этом вопросе русского исследователя, но и о логике усвоения этой истории русскими просветителями. Помимо знакомства с новыми именами, принципиально важной для них оказалась возможность обособить собственную причастность к судьбе Европы. Этим объясняется повышенный интерес, какой в русском просветительском движении получил вопрос о греческом влиянии. Через греков русские просветители утверждали не просто свою причастность к движению просвещения, «заря которого начала распространяться в Европе с падением Константинополя и приходом греческой учености в Италию». Историческая общность с греческим языком и наукой давала России право первенства: Россия вместе с Грецией оказывалась у истоков Просвещения, в то время как Европа присоединилась к нему лишь вслед за Италией³⁴. В отношении к своему историческому прошлому чувствовалось и задетое чувство патриотизма, несогласие с Вольтером, у которого Русь периода XI–XV вв. была представлена как страна «диких

полухристиан», попавших в унижительное рабство к татарам³⁵. Неслучайно некоторые суждения в статье Козодавлева построены как скрытая полемика с великим французом: «Язык, науки и художества Греческие, пребывавшие в Царь Граде и в одиннадцатый и во двенадцатый столетиях в России, были прочими Европейскими государствами до селе неизвестны, и начали по оным мало по малу распространяться только в начале шестнадцатого века», – замечает, например, Козодавлев, обозначая, с одной стороны, единство России и Греции, с другой – их преимущество перед Европой³⁶. Очень красноречива в этом отношении и замена Константинополя на русский Царь Град. В другом месте идея исторического первенства России выражена еще определеннее: «В России знаемы были науки и художества тогда, когда прочие Европейские народы были погружены в бездну зол, каковые влекут за собою невежество и суеверие»³⁷.

С середины 1780-х гг. любое упоминание Италии в России уже становится неотделимым от риторики «возрождения», которая на этом этапе неразрывно связана с идеей просвещения как поступательного прогресса человечества: возрождение письмен, возобновление греческого вкуса, возрождение наук, восстановление наук и словесности, возгорание просвещения. Как восстановители итальянского языка и основоположники литературы характеризуются Данте, Петрарка и Боккаччо. В образе Петрарки особо подчеркивается его рвение в разыскании древних авторов и подражание античным классикам. Именно так «как восстановителя наук и отца хорошаго Италианского стихотворения», собирателя «рукописей древних Авторов» характеризует его переведенный с французского «Словарь исторический, или сокращенная библиотека» (1793)³⁸ – издание, ставшее первой русской энциклопедией.

В 1804 г. в журнале «Патриот» появляется, наверное, первое сообщение о курсе итальянской литературы Пьера-Луи Женгоне. Пройдет менее десяти лет, и его опубликованная история итальянской литературы станет одним из самых популярных критических сочинений в России. Суждения Женгоне внесут новые акценты в оценку Петрарки. А пока вслед за французским критиком анонимный автор особо отмечает деятельность Петрарки по возрождению литературы древних: «Профессор говорил не только о его Итальянских стихотворениях, но и показал то влияние, которое он имел на свой

век, по его ревности исследования древних Авторов и распространять вкус к истинной Науке, по его почтению к изящным произведениям Древности, по его прилежному труду и подражанию хорошим образцам, по его ученым и философским сочинениям, наконец, по тому уважению, в которое он привел Науки»³⁹.

О Петрарке как о родоначальнике Возрождения говорит и М. Н. Муравьев, выдающийся русский просветитель и общественный деятель. В «Эмилевых письмах», созданных для занятий с великими князьями и получивших известность в середине 1810-х гг., он пишет: «Щастливый разум Петрарка, воскресив дух древних письмен, даровал стихотворство Италии, в которой из остатков Латинского языка составлялся новый, полный гибкости и гармонии. <...> Возрождение письмен в Италии, сияющий век Медицисов, когда Петрарки учились по Гречески и Рафаэли вызывали искусство древних из под развалин земли, сия щастливая перемена распространилася и за пределы Италии»⁴⁰.

Нарицательное употребление имен итальянских классиков, по справедливому замечанию Ю. М. Фурмана, свидетельствует уже о качественном сдвиге в их восприятии: «для Муравьева они – олицетворение эпохи Возрождения»⁴¹. Вместе с тем, популярность в русской периодике рубежа веков такого риторического приема, также, по-видимому, вольтеровского по своему происхождению⁴², говорит и о новом этапе усвоения его идей. Речь идет не о новой волне широкого интереса к Вольтеру в Александровскую эпоху после десятилетия неприязни и критики, которыми ознаменовались окончание царствования Екатерины II и правление Павла I. Речь о другом. Вслед за этапом школярского усвоения идей Вольтера пришел новый – творческий и критический. Переводы и пересказы остались в прошлом. Вольтера больше не конспектируют, им пользуются свободно, как языком, на котором мыслят самостоятельно. Изменение уровня осведомленности русского читателя позволяет авторам рубежа веков свободно оперировать иностранными именами и реалиями, не сомневаясь в том, что читатель воспримет их как явления с определенным культурно-историческим содержанием: «Весьма ошибаются те, – читаем, например, в статье поэта и публициста И. П. Пнина, опубликованной в его «Санктпетербургском журнале» за 1798 г., – которые думают, что Италия тем просвещением, коим

блистала она в пятнадцатое столетие, обязана была грекам, бежавшим из Константинополя. Кто из них славился в несчастном их отечестве, и кто после побега своего в Италию ознаменовал себя великим человеком, изящным умом, хорошим философом? До прибытия их в Италию не имела ли она уже своих Дантов, Петрархов, Боккасов, Пухчиев, Бойардов?»⁴³.

В ряду растущих публикаций все более четко проявляются несколько особенностей в восприятии идеи Возрождения в этот ранний период. Во-первых, она связывается исключительно с Италией, что было предопределено влиянием исторической концепции Вольтера. В статье И. П. Пнина мысль об итальянском превосходстве выражена с особой силой: «Итак, одним итальянцем обязаны мы возрождением наук на Западе. Покровительство, оказанное ими ученым, решило сию счастливую перемену, приуготовленную за два века, и которой по счастью для нас Леон Х благоприятствовал. Тогдашние ученые, знаменитейшие оного времени философы, те, которые начали просвещать Европу, были итальянцы»⁴⁴.

Во-вторых, идея Возрождения, поначалу связывавшаяся преимущественно с расцветом искусств (литературы, живописи, скульптуры и архитектуры), постепенно уравнивается за счет «наук». Все чаще встречаются упоминания об увлечении итальянцев греческой философией, изучением древних языков, подражанием античным авторам и жанрам, поисками древних рукописей. В 1812 г. Г. Р. Державин в своем рассуждении о лирической поэзии с одинаковой силой подчеркнет в творчестве итальянских классиков и связь с античным наследием, и разработку нового поэтического языка: «В исходе того же столетия в Италии восстали славные поэты: Данте, Петрарка и Бокаций. Они, подражая древним, образовали свои лирические произведения по их примерам и могут бесспорно назваться возродителями древней и отцами новой поэзии...»⁴⁵. Эхо знаменитого высказывания Вольтера можно расслышать и здесь, однако, сопоставляя неуклюжий перевод Домашнева с цитатой из Державина, отчетливо видишь тот путь, который проделало русское общество за полвека изучения европейской истории.

Еще одна особенность была связана с интерпретацией Данте. Осмысление идеи Возрождения в рамках главной идеи Просвещения – идеи прогресса европейской куль-

туры – привело к тому, что Данте оказался в одном ряду с Петраркой и Боккаччо. Решающее влияние на такую расстановку сил опять оказал Вольтер. Его отношение к итальянскому поэту было сложным и неоднозначным. Определение «bizarre» (странная, диковинная), которым великий француз наделил «Божественную комедию», безусловно, свидетельствовало не о восторженном почтении. Однако в рамках концепции, которую он развивал в своих «Опытах о нравах», Вольтер подчеркнет другое: способность поэта «подняться над дурным вкусом своего века», «чистоту» стиля отдельных фрагментов поэмы – то, что свидетельствовало о наступлении возрождения классического искусства древности. Вольтер – классицист, воспитанный на «Поэтическом искусстве» Буало. Для него «pureté», чистота классического стиля, – высшая оценка, какой может удостоиться поэт, а наличие признаков этого стиля – главный критерий в выборе имен. Присутствие черт классического искусства в творчестве Данте, пусть и с оговорками, позволило Вольтеру объединить его с Петраркой. «Точность и чистота стиля» стали основой для того, чтобы говорить и о единстве Петрарки с Боккаччо. Доминировавший в XVIII в. эстетический принцип еще был лишен строгостей исторического подхода, что и предопределило «судьбу» Данте.

Ориентация на Вольтера русских просветителей XVIII в. неизбежно приводила к возникновению триады Данте-Петрарка-Боккаччо, в которой каждый из писателей рассматривался в равной мере и как первый поэт итальянского языка, и как первый представитель новой эпохи в истории Европы. Роль Данте в этом союзе итальянских классиков получит необходимое историческое уточнение лишь в работах литературных критиков 1820–1830-х гг.: обращение к народному языку также будет отождествляться с началом новой эпохи, но исключительно в области литературы. О Данте-авторе «Божественной комедии» по-прежнему нередко будут отзываться весьма негативно, подчеркивая «уродства» и «несуразности» его вкуса, но, как только речь заходила о развитии литературы на народном языке, поэт сразу оказывался первым в ряду тех, кому принадлежала честь быть зачинателями новой эпохи в истории поэзии: «После возрождения словесности в Италии первым достойнейшим замечания из новейших в сем роде стихотворцев был Данте Алигвери. Он написал большую облаченную аллегорией поэму под

названием „Священное представление“, которое состояло из ста песен и трех главных отделений: Ада, Чистилища и Рая. Сия поэма при всем неправильном и часто противном здравому рассудку составе богата великими поэтическими красотоми, которые дают ей право на всегдашнее уважение и славу»⁴⁶.

Еще одна особенность в восприятии идеи Возрождения была связана с пониманием языка и литературы как особой области человеческой деятельности, которая дает толчок развитию общества в целом. Опыт Италии и его повторение в европейских странах убеждали, что создание национального языка, его разработка и шлифовка в творчестве талантливых поэтов создают основу для развития не только наук и искусств, но философии и даже экономики (торговли). Характерно, что изучение творчества итальянских поэтов оказывается решающим в стремлении гармонизировать русский язык у Батюшкова⁴⁷. Ссылки на итальянцев постоянно звучат в решении судеб родного языка в полемике между шишковистами и карамзинистами. Для П. И. Макарова, самого рьяного защитника «нового слога» Карамзина, например, сопоставление исторического опыта Италии и России – это еще один повод в пользу необходимости реформирования русского языка. В журнале «Московский Меркурий», издателем которого он являлся, он пишет: «Положим, что мы под руководством Греков (учителей своих) имели перед другими народами некоторое преимущество и в знаниях. Но когда Россия покорена Татарами, когда двести лет позже, Константинополь взят, и греки унижены до презрения, когда Науки пришли в Италию, когда изобретено книгопечатание, когда, наконец, вид Европы совершенно переменялся: с того времени мы очевидно и далеко отстали от других народов. Поэзия давно украсилась именами Данта и Петрарка: Флоренция уже спорила о преимуществе с древними Афинами; а мы еще носили оковы потомков Чингисовых»⁴⁸. Представитель противоположного лагеря И. И. Мартынов в «Речи при вступлении в Российскую Академию» (1807), призывая Академию выступить за чистоту и сохранность русского языка, хотя и не упоминает греков, но тоже не может обойтись без упоминания роли великих итальянцев: «В четырнадцатом веке нашей эры, после мрака невежества, обложившего Европу, паки начали возвышаться храмы вкуса; основание знаменитейших университетов относится к сей эпохе; в Италии три гения – Дант, Петрарх и Бокас –

присоединили иссохшую ниву и оплодотворили ее своими талантами»⁴⁹. Для создания исторического очерка развития литературы и искусства теперь без упоминания об «особой эпохе» в истории Италии нельзя было обойтись.

Примерно с середины 1810-х гг. риторика возрождения в русской периодике заметно ослабевает. Наступает период, когда популярность историко-литературных идей Вольтера отступает под давлением новых веяний. Начало романтического движения в Западной Европе и популярность в России 1810-х гг. сочинений Ж. де Сталь, С. Де Сисмонди и П.-Л. Женгене способствовали тому, что интерес к периоду XIV–XVI вв., не теряя прежней восторженной оценки, ослабевает – романтиков больше влечет средневековье – и заметно сужается. Он приобретает теперь исключительно эстетический характер как интерес к литературе и искусствам. Характерным проявлением этой новой тенденции является то, что эпоха XIV–XVI вв. в качестве предмета изучения перемещается из жанра исторических сочинений в область литературной истории и теории. Здесь слово «возрождение» становится терминологическим обозначением эпохи – его и пишут подчас с большой буквы, как «эпоха Возрождения», имея в виду почти исключительно возрождение изящной словесности и изобразительного искусства⁵⁰.

Вера в непрерывный прогресс, которая роднила новую плеяду французско-швейцарских критиков с поколением просветителей, не помешала появлению ряда новых идей. Наполненными жизнью живой мысли оказались средние века, поэт и его язык были поставлены в зависимость от климата и природы своей страны, сам поэт был объявлен сродни гению. В этом контексте меняется восприятие личной и творческой судьбы итальянских поэтов: Данте, Петрарки, Ариосто и Тассо. По отношению к Данте по-прежнему приложимо определение «дикий», но ему придается иной смысл. Данте выступает как пример могучего и нецивилизованного гения, что подтверждают общий замысел и архитектура его поэмы. С точки зрения критики романтической эпохи, судить его должно не по законам классического вкуса, но «лишь по законам, им самому себе данным»⁵¹.

В отношении к Петрарке восхищение перед его заслугами как преобразователя итальянского языка и преклонение перед исключительно духовным характером его

любви соседствуют с сомнениями в искренности его чувства и обвинениями в излишней вычурности его поэзии. Если первая точка зрения восходила к Женгене и пропагандировалась в России К. Батюшковым, вторая была высказана Сисмонди и у нас подержана П. А. Катениным.

Однако новые подходы в оценке главных литературных фигур итальянского Возрождения мало что изменили в трактовке самого понятия Возрождения, так как оно оформилось в рамках вольтеровской модели развития европейской цивилизации. Согласно этой модели, после падения Римской империи наступает эпоха средних веков, которая завершается возрождением классического вкуса греко-римской древности в Италии. Возрождение, начавшееся в области искусств и словесности, дает толчок поступательному развитию просвещения во всех сферах человеческой жизнедеятельности: от науки и философии до экономики и торговли, которое из Италии распространяется в другие европейские страны. В рамках этой модели, понятие «Возрождение» оформлялось, во-первых, в оппозиции средним векам, во-вторых, как возвращение к классическому идеалу древней Греции и Рима, и, наконец, как процесс, затронувший одну страну и растянувшийся во времени минимум на три столетия: от Данте и Петрарки до Ариосто и Тассо в литературе, от Чимабуэ и Джотто до Рафаэля и Микеланджело в изобразительных искусствах. В эпоху правления Льва X, по мнению Вольтера, торжество классического вкуса проявилось в полной мере.

У нового поколения французских критиков несогласие с Вольтером вызвали преимущественно две вещи: негативная оценка средних веков – романтики не рассматривают их более как период беспробудного варварства (Данте служил тому наиболее ярким доказательством), и растянута Возрождения во времени – в первой трети XIX в. понятие Возрождения все более отождествляется исключительно с правлением Льва X, т. е. с первой третью XVI в. Впрочем, так как в оценке прошлого по-прежнему преобладали эстетические, а не исторические критерии, «эпоха Возрождения» и в понимании начала XIX в. не имела границ историко-культурного периода. В России, где не существовало еще собственной школы изучения европейской истории, эстетический подход в интерпретации Возрождения затянулся вплоть до середины века. Лекции Грановского и Кудрявцева

и стали точкой отсчета для начала нового, собственно исторического, этапа в изучении понятия «Возрождение».

Примечания

¹ Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 377–387.

² Хейзинга Й. Проблема Ренессанса // Homo Ludens: ст. по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 305.

³ О преподавании всеобщей истории и ее научном изучении в нашей стране см.: Кареев Н. Всеобщая история: ст. // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энцикл. слов. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907. Т. 13; Карпов С. П. Исторический факультет МГУ: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 3–20; Остапов Н. В. Становление преподавания всемирной истории в университетах России: науч.-пед. взгляды и деятельность М. Н. Петрова: 1850–1880 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2006.

⁴ Кудрявцев П. Н. Лекции. Сочинения: избр. М.: Наука, 1991. С. 15.

⁵ Андреев М. Л. Инновация или реставрация // Литература Италии: темы и персонажи. М.: РГГУ, 2008. С. 103.

⁶ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1987. С. 9, 160.

⁷ Т. Н. Грановский умер в год выхода в свет книги Ж. Мишле «Возрождение» – 1855 (Michelet J. Histoire de France. Paris, 1855. Т. 7: Renaissance).

⁸ С опорой на труды немецких ученых К. Хагена и Г. А. Эдхарда читал свои лекции и П. Н. Кудрявцев.

⁹ Февр Л. Указ. соч. С. 380.

¹⁰ Грановский Т. Н. Указ. соч. С. 55.

¹¹ Там же. С. 56, 64, 69.

¹² Кудрявцев П. Н. Указ. соч. С. 36.

¹³ См., например: Сафронов Б. Г. Вопросы исторической теории в работах М. С. Корелина. М.: Изд-во МГУ, 1984; Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содерж. и эволюция. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988; Маслова Н. В. Проблемы историографии и источниковедения в научном творчестве Т. Н. Грановского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993.

¹⁴ В силу своей специфики этот материал стал предметом изучения не историков науки, а историков литературы, занимающихся проблемами усвоения творчества итальянских поэтов в России: Алексеев М. П. Первое знакомство с Данте в России // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. С. 147–197; Горохова Р. М. Торквато Тассо в России XVIII в.: материалы к истории восприятия // Россия и Запад: из истории междунар. связей рус. лит. Л.: Наука, 1973. С. 105–163; Тассо в России конца XVIII в.: материалы к истории восприятия // Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Л.: Наука, 1980. С. 127–161; Фурман Ю. М. Франческо Петрарка: посмертная судьба в Европе и России. Харьков: Основа, 2000; Пильщиков И. А. Петрарка в России: очерк истории восприятия // Петрарка в русской литературе: в 2 кн. М.:

Рудомино, 2006. Кн. 1. С. 15–42; Якушкина Т. В. Итальянский петраркизм XV–XVI вв.: традиция и канон. СПб.: СПбГУКИ, 2008.

¹⁵ Алексеев М. П. Указ соч. С. 153.

¹⁶ Русскую транскрипцию имени Петрарки – «Петрарх» М. П. Алексеев оставил без комментария. О ней в связи со статьей Домашнева упоминает И. Н. Голенищев-Кутузов: «Судя по французской форме имен (например, Петрарка – Петрарх, Боккаччо – Бокас), автор статьи сведения свои почерпнул из французских источников» (Голенищев-Кутузов И. Н. Данте в России // Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. С. 455).

¹⁷ М. П. Алексеев ошибся в указании номера главы. Цитата из Домашнева представляет собою перевод из гл. 82 «Опытов» Вольтера.

¹⁸ Несмотря на то, что в 1740–1750-е гг. в Петербурге проживала целая колония итальянских певцов, танцоров, музыкантов, художников, архитекторов, итальянский язык не имел распространения в русском обществе. Итальянским владели лишь немногие наиболее просвещенные деятели эпохи: Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский. Знакомство с итальянской литературой осуществлялось через посредничество французских или немецких книг. Об этом см.: Копанев Н. А. Французская книга и русская культура в середине XVIII в.: (из истории междунар. книготорговли). Л.: Наука, 1988.

¹⁹ Об этом см., например: Алексеев М. П. Вольтер и русская культура XVIII в. // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1983. С. 198–239; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX в. Л.: Наука, 1978; Заборов П. Р. Вольтер в русских переводах XVIII в. // Эпоха Просвещения: из истории междунар. связей рус. лит.: сб. ст. / отв. ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, 1967. С. 110–207.

²⁰ В черновых вариантах статьи «О поэзии классической и романтической» (1825) Пушкин, говоря о Данте, использует эпитет «дикий». В «Лицее» Ж.-Ф. де Лагарпа (1810–1814) Данте охарактеризован как автор «уродливого сочинения», лишь изредка соблюдавший в нем правила искусства. В лекциях П. Е. Георгиевского (1815–1816) одна из сцен «Ада» приводилась в качестве «примера ужасного возвышенного, переходящего в отвратительное» (Демин А. О. Данте // Пушкин: исслед. и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). СПб.: Наука, 2004).

²¹ В статье «Ариост и Тасс» (1815) Батюшков называет Петрарку «нежным поэтом Валлакиузским», «который нежность, сладость и постоянное согласие умел сочетать с силою и краткостью». Эпитет «нежный» применительно к Петрарке доминирует и в характеристике Д. В. Дашкова:

Лири и пламень его для потомства священны – и вечно
Будет он нежной любви, нежных стихов образцом!

(1827) (Пильщиков И. А. Указ. соч. С. 18)

²² Козодавлев О. П. Историческое начертание о

распространении просвещения в Европе от разрушения древней Римской империи до наших времен // Растущий виноград. СПб., 1785. Апрель. С. 64–65.

²³ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 180.

²⁴ Bayle P. Dictionnaire historique et critique: [en 4 vol.]. 5e ed. Amsterdam, 1740.

²⁵ Ср.: «Déjà le Dante, Florentin, avait illustré la langue toscane par son poème bizarre, mais brillant de beautés naturelles, intitulé Comédie; ouvrage dans lequel l'auteur s'éleva dans les détails au-dessus du mauvais goût de son siècle et de son sujet, et rempli de morceaux écrits aussi purement que s'ils étaient du temps de l'Arioste et du Tasse. On ne doit pas s'étonner que l'auteur, l'un des principaux de la faction gibeline, persécuté par Boniface VIII et par Charles de Valois, ait dans son poème exhalé sa douleur sur les querelles de l'empire et du sacerdoce. <...> Après le Dante, Pétrarque, né en 1304 dans Arezzo, patrie de Gui Arétin, mit dans la langue italienne plus de pureté, avec toute la douceur dont elle était susceptible. On trouve dans ces deux poètes, et surtout dans Pétrarque, un grand nombre de ces traits semblables à ces beaux ouvrages des anciens, qui ont à la fois la force de l'antiquité et la fraîcheur du moderne. <...> Ce Boccace fixa la langue toscane: il est encore le premier modèle en prose pour l'exactitude et pour la pureté du style, ainsi que pour le naturel de la narration. La langue, perfectionnée par ces deux écrivains, ne reçut plus d'altération, tandis que tous les autres peuples de l'Europe, jusqu'aux Grecs mêmes, ont changé leur idiome» (Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nation. Paris: Garnery, 1821. Ch. 82: Sciences et beaux-arts aux XIIIe et XIVe siècles).

²⁶ Козодавлев О. П. Указ. соч. С. 93.

²⁷ Ср. логику Вольтера с попытками А. С. Пушкина найти объяснение расцвету французской литературы в XVII в.: «Каким чудом посреди общего ничтожества французской поэзии, посреди общего падения вкуса (здесь и курсив мой. – Т.Я.), недостатка истинной критики и шаткости мнений вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII в.? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV – были причиной такого феномена? Или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блещит и исчезает? Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Буало, Расин, Молиер, Лафонтен, Паскаль, Боссюэт и Фенелон. И владычество их над умами просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие» (Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Сочинения. Л.: Худож. лит., 1936. С. 733).

²⁸ «On fut redevable de toutes ces belles nouveautés aux Toscans. Ils firent tout renaître par leur seul génie, avant que le peu de science qui était resté à Constantinople reflût en Italie avec la langue grecque, par les conquêtes des Ottomans. Florence était alors une nouvelle Athènes...» (Voltaire. Op. cit.).

²⁹ Заметим, что и вторая часть приведенной цитаты

из сочинения Козодавлева, где дается сравнение Италии с другими государствами, также представляет собою изложение соответствующего места из главы 121 «Опыта о нравах», причем даже метафора «кора варварства» своим происхождением, по-видимому, также обязана Вольтеру (гл. 81).

³⁰ Его, например, можно встретить в «Духе законов» Монтескье, труды которого начали переводиться в России еще в 1760-е гг. Первый полный перевод «Духа законов» был осуществлен в 1809–1811 гг., хотя первая попытка относится еще к 1775 г.

³¹ Козодавлев О. П. Указ. соч. Июль. С. 68.

³² Следует отметить, что период XIV–XVI вв. в интерпретации Вольтера не был однородным. Несмотря на метафорический – не понятийный – способ мышления, французский философ был очень последователен в выборе метафор: деятельность тречентистов охарактеризована как «возрождение искусств» («renaissance des arts»), в то время как вторая половина XV в., эпоха правления Медичи, и XVI в. как время их расцвета и славы, «gloire des art».

³³ Козодавлев наряду с Микеланджело и Рафаэлем называет также Корреджо.

³⁴ Интересную попытку вписать Россию в историю европейского Просвещения можно найти у М. Н. Муравьева. В «Разговоре мертвых» он делает Кия, основателя Киева, прямым преемником Ромула, основателя Рима. Россия тем самым становится наследницей не просто Италии, но древнего Рима: теперь слава России может «шествовать наравне с минувшей славой Рима» (Муравьев М. Н. Полн. собр. соч.: в 3 ч. СПб., 1819. Ч. 1. С. 300).

³⁵ «L'État de la Moscovie ou Russie... n'était depuis le xie siècle qu'un assemblage de demi-chrétiens sauvages, esclaves des Tartares de Casan descendants de Tamerlan. Le duc de Russie payait tous les ans un tribut à ces Tartares en argent, en pelleteries, et en bétail. Il conduisait le tribut à pied devant l'ambassadeur tartare, se prosternait à ses pieds, lui présentait du lait à boire; et s'il en tombait sur le cou du cheval de l'ambassadeur, le prince était obligé de le lécher. Les Russes étaient, d'un côté, esclaves des Tartares; de l'autre, pressés par les Lithuaniens; et vers l'Ukraine, ils étaient encore exposés aux déprédations des Tartares de la Crimée, successeurs des Scythes de la Chersonèse Taurique, auxquels ils payaient un tribut» (Voltaire. Op. cit. Ch. 119: État de l'Europe du temps de Charles-Quint. De la Moscovie ou Russie. Digression sur la Laponie).

³⁶ Козодавлев О. П. Указ. соч. Июль. С. 69.

³⁷ Там же. Апрель. С. 78.

³⁸ Словарь исторический, или сокращенная библиотека... М.: Универ. тип. Окоорокова, 1793. Ч. 10: [Наама–Петрункевич]. С. 529.

³⁹ О Курсе новейшей Литературы, читанном Г. Гингене в Парижском Атенею // Патриот. 1804. Т. 4. С. 345.

⁴⁰ Муравьев М. Н. Полн. собр. соч.: [в 3 ч.]. СПб.: Тип. Рос. Академии, 1819. Ч. 1. С. 172–173.

⁴¹ Фурман Ю. М. Указ. соч. С. 93.

⁴² Ср., например, в «Веке Людовика XIV»: «Le premier de ces siècles à qui la véritable gloire est attachée, est celui

de Philippe et d'Alexandre, ou celui des Périclès, des Démosthène, des Aristote, des Platon des Apelles, des Phidias, des Praxitèle; et cet honneur a été renfermé dans les limites de la Grèce; le reste de la terre alors connue était barbare» (ch. 1: Introduction) или в другом месте: «ils admirent les temples que les Bramante et les Michel-Ange ont élevés, les tableaux des Raphaël, les sculptures des Bernini» (ch. 34: Des beaux-arts en Europe du temps de Louis XIV). И еще: «L'Italie, dans ce siècle, a conservé son ancienne gloire, quoiqu'elle n'ait eu ni de nouveaux Tasses, ni de nouveaux Raphaëls: c'est assez de les avoir produits une fois. Les Chiabrera, et ensuite les Zappi, les Filicaia, ont fait voir que la délicatesse est toujours le partage de cette nation. La Mérope deMaffei, et les ouvrages dramatiques de Metastasio, sont de beaux monuments du siècle. L'étude de la vraie physique, établie par Galilée, s'est toujours soutenue, malgré les contradictions d'une ancienne philosophie trop consacrée. Les Cassini, les Viviani, les Manfredi, les Bianchini, les Zanotti, et tant d'autres, ont répandu sur l'Italie la même lumière qui éclairait les autres pays...» (Idem). А вот только два примера из «Опытов»: «C'est ce qui arriva dans l'âge qui produisit les Sophocle et les Démosthène, dans celui qui fit naître les Cicéron et les Virgile» и «Il n'y eut, en aucune province d'Italie, d'orateurs comme les Démosthène, les Périclès, les Eschine» (ch. 121: Usages des XVe et XVIe siècles, et de l'état des beaux-arts).

⁴³ Выписка из рассуждений о государственном хозяйстве // С.-Петерб. журн. 1798. Ч. 1, февр. С. 191–192. Без подп. Приведем еще одну цитату с использованием этого же риторического приема: «Баккакио, Петрарка, Медицисы! Вам одолжены мы тем, что дышем воздухом древней Греции и древнего Рима: что учимся с Сократом под тению платанов: что с Платоном ходим по Лицею: что восхищаемся, читая высокия Гомеровы песнопения, или Плутарховы описания мужей великих: наконец, что образуем себя в той школе, которая произвела Периклов и Сципионов» (Вестн. Европы. М., 1811. Ч. 58. № 13, июль. С. 20–21. Сокр. из «Magaz. Encycl.»).

⁴⁴ Выписка из рассуждений о государственном хозяйстве. С. 192.

⁴⁵ Державин Г. Р. Рассуждения о лирической поэзии, или об оде // Соч. Державина с объяснит. прим. Я. Грота: [в 7 т.]. 2-е изд. СПб., 1878. Т. 7. С. 603.

⁴⁶ Мерзляков А. Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. С. 219.

⁴⁷ Об этом подробнее см.: Якушкина Т. В. Указ соч. С. 287–291.

⁴⁸ Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка – напечат. в Пб-ге, 1803 г., в 8 долю листа // Моск. Меркурий. 1803. Ч. 4, № 12, дек. С. 158–159.

⁴⁹ Речь, читанная в Импер. Рос. Академии членом оная д. ст. сов. и кавалером Иваном Ивановичем Мартыновым, при вступлении его в оную, марта 23 дня 1807 г. // Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. СПб., 1813. Ч. 6. С. 207.

⁵⁰ Ср. в неоконченной статье А. С. Пушкина 1834 г. «О ничтожестве литературы русской», которую можно

Точка отсчета: об истории развития понятия «Возрождение» в России...

рассматривать как своеобразный итог «романтического периода» усвоения идеи Возрождения в России: «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности Римско-Кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков

наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера...» (Пушкин А. С. Указ. соч. С. 732).

⁵¹ «...le Dante ne pouvait être jugé que par les lois qu'il s'était données» (Sismondi J.-Ch.-L. de. De la littérature du Midi de l'Europe. Paris, 1829. Т. 1. P. 390).